

Т

РОССИЯ

о, что я скажу здесь о русской культуре, – это мое сугубо личное мнение, я его никому не навязываю. Но право рассказать о своих самых общих, пусть и субъективных впечатлениях дает мне то, что я занимаюсь Русью всю жизнь, и нет для меня ничего дороже, чем Россия. Россию упрекают, Россию восхваляют. Одни считают ее культуру несамостоятельной, подражательной. Другие гордятся ее прозой, поэзией, театром, музыкой, иконописью... Одни видят в России гипертрофию государственного начала, а народ воспринимают как покорный. Другие отмечают в русском народе анархическое начало и постоянное бунтарство, неприятие власти. Одни отмечают в нашей истории отсутствие определенной целеустремленности. Другие видят в русской истории “русскую идею”, наличие у нас сознания гипертрофированной собственной миссии. Между тем движение к будущему невозможно без точного понимания прошлого и характерного.

Изборск. Славянское озеро

Россия необъятна. Не только своим поразительным разнообразием человеческой природы, разнообразием культуры, но и разнообразием уровней – уровней во всех душах ее обитателей: от высочайшей духовности до того, что в народе называют “паром вместо души”.

Но буду краток. Я ведь не пророк и не проповедник, хотя убеждать и призывать в последние свои годы приходится часто. Скажу словами Владимира Мономаха, обращенными им к его читателям: “аще не всего примете, то половину”. Гигантская земля. И именно земля, почва. Она же страна, государство, народ. И недаром, когда шли на поклонение к ее святыням замолить грех или поблагодарить Бога, – шли пешими, в лаптях и босыми, чтобы ощутить ее почву и пространство, пыль дорог и траву придорожных тропинок, увидеть и пережить все по пути. Нет святости без подвига. Нет счастья без трудностей его достижения. Идти тысячи верст: до Киева, до Соловков, плыть до Афона – и это тоже частица России.

Я назвал Киев в числе мест, куда брели русские паломники. И это я сделал не случайно. Самая большая русская святыня была Киево-Печерская лавра. И украинцы могут гордиться, что их город был с самого начала центром всей русской земли: будущей Украины, Великороссии и Белоруссии. Думать иначе – узость, это значит снижать значение Киева как мирового города.

Я вспоминаю, с каким душевным трепетом я бродил в свои школьные годы по Белозерску – городу еще в X веке знаменитому тем, что там сел на княжение один из трех братьев-варягов – Синеус (я не знал еще тогда,

Колокольня в Малах под Изборском

что и само призвание варягов – легенда, да и Белозерск перенесен на свое нынешнее место в XIV веке). Но с таким же трепетом я бывал и в Изборске (городе другого брата – Трувора), и в Новгороде, где сел Рюрик, и во Владимире, основанном Владимиром Мономахом, и в Ростове, и в Новгороде-Северском, и в Путивле. Каждый город хранит свою особую красоту и вместе с тем в чем-то общую для всех. Каждое село, в котором я бывал, – от Колы близ Мурманска и северных становищ до деревень на Волге, в Псковской области, на Волхове и Пинеге – имело свое лицо. Невероятное разнообразие и какое-то высокое единство. Все русское. Но и после разделения на три восточнославянских народа не отторженное глухой стеной от Украины, от Белоруссии, от селений татарских, коми-зырянских, мордовских.

Общие судьбы связали наши культуры, наши представления о жизни, быте, красоте. В былинах главными городами русской земли остаются Киев, Чернигов, Муром, Карела... И о многом другом помнил и помнит народ в былинах и исторических песнях. В сердце своем хранит красоту, над местной – еще какую-то надместную, высокую, единую... И эти “идеи красоты” и духовной высоты – общие при всей многоверстой разобщенности. Да, разобщенности, но всегда взывавшей к соединению. А возникло это ощущение единства давно. Ведь в самой легенде о призвании трех братьев-варягов сказало представление, как я давно доказываю, о братстве племен, ведших свои княжеские роды от родоначальников-братьев. Да и кто призвал по летописной легенде варягов: русь, чудь (предки будущих эстонцев), словене, кривичи и весь (вепсы) – племена славянские и угро-финские,

*Церковь св. Георгия
в Старой Ладоге.
Вторая пол. XII в.*

*Церковь Успения
Богоматери
на Волотовом поле
в Новгороде. 1363*

следовательно, по представлениям летописца XI века, эти племена жили единой жизнью. Были между собой связаны. А как ходили походами на Царьград? Опять-таки союзами племен. По летописному рассказу, Олег взял с собой в поход множество варягов, и словен, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северцев, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев...

Русская земля, или вернее, земля "Русьская", то есть вся – с будущей Украиной, Белоруссией и Великороссией – была сравнительно слабо населена. Население страдало от этой вынужденной разобщенности, селилось преимущественно по торговым путям – рекам, селилось деревнями, и все же не такими уж большими, боялось окружающей неизвестности. Враги приходили "из невести", степь была "страной незнаемой", западные соседи "немцы", то есть народы "немые", говорящие на незнакомых языках. Поэтому среди лесов, болот и степей люди стре-

мились утвердить свое существование, подать знак о себе высокими строениями церквей как маяками, ставившимися на излучинах рек, на берегу озер, просто на холмах, чтоб их видно было издали. Нигде в мире нет такой любви к сверкающим золотом, издали видным куполам и маковкам церквей, к рассчитанному на широкие просторы "голосоведению", к хорошему пению, к ярким краскам, контрастным зеленому цвету и выделяющимся на фоне белых снегов цветам народного искусства. "Цветам", то есть раскраскам цветов. Цветам, взятым из природы, согласующимся с ней, но и выделяющимся.

И до сих пор, когда я увижу золотую главку церкви или золотой шпиль Адмиралтейства, освещающий собой весь Невский, золотой шпиль Петропавловской крепости – меч, защищающий город, – сердце мое сжимается от сладкого чувства восторга. Золотое пламя церкви или золотое пламя свечи – это символы духовности. "Свеча бы не утасла" – так писали в своих

*Церковь Покрова
на Нерли во Владимире.
1165*

*Церковь Спаса
Преображения на Нередице.
1198. Фотография
Д. С. Лихачева. 1939*

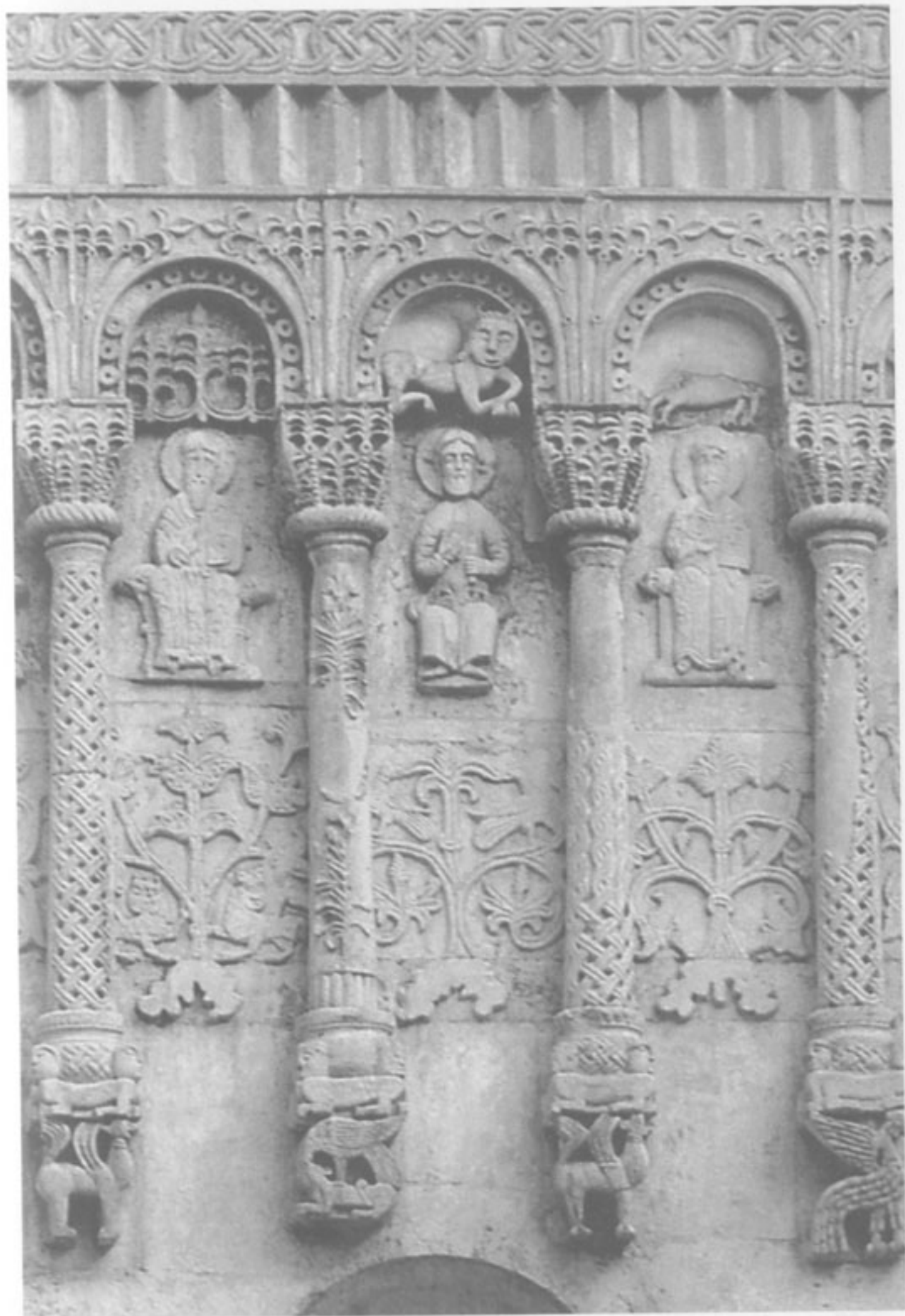
*Дмитриевский собор
во Владимире. XII в.*

завещаниях московские князья, заботясь о целостности русской земли.

Вот почему на Руси так любили странников, прохожих, купцов. И привечали гостей – то есть проезжих купцов. “И человека не минете, не привечавше”, – пишет в своем “Почуении” Мономах. Гостеприимство, свойственное многим народам, стало важной чертой русского характера – русского, украинского и белорусского. Гость разнесет добрую молву о хозяевах. От гостя можно услышать и об окружающем мире, далеких землях. Потому и вера христианская, как бы наложившаяся на старое доброе язычество, была с таким малым сопротивлением принята

на Руси, что она ввела Русь в мировую историю и в мировую географию. Люди в своей вере перестали чувствовать себя одиноким народом, получили представление о человечестве в целом.

Но объединяющим началам в русской земле противостоят широкие пространства, разделяющие собой села и города. “Гардарикией” – “страной городов” называли скандинавы Русь. Однако между городами и селами тянулись безлюдные пространства, иногда трудно преодолеваемые. И из-за этого крепили в Руси не только объединяющие, но и разъединяющие начала. Русская земля всегда была не только тысячей городов, но и тысячей культур. Возьмите то, что больше всего бросается в глаза и что больше всего заботило жителей России, – архитектуру. Архитектура Руси – это целый разнообразнейший мир. Мир веселых строительных выдумок, многочисленных стилей, создававшихся по-разному в разных городах и в разные времена. Одновременно воздвигаются храмы в Новгороде и во Владимире, в Смоленске и в Ярославле. И в Новгороде оказываются церкви, построенные в духе не только новгородских, но и смоленских, потом московских и волжских соборов. Ничего агрессивного, не допускающего существования зданий другого стиля или другой идеологической наполненности. В Новгороде существовала варяжская божница, была Чудинцева улица – улица угро-финского племени чуди. Даже в Киеве был Чудин двор – очевидно, подворье купцов из далекой северной Эстонии на Чудском озере. А в XIX веке на Невском проспекте, проспекте веротерпимости, как его называли иностранцы, была и голландская церковь, и лютеранская,

Дмитриевский собор во Владимире. Колончатый пояс. XII в.

*Спас Нерукотворный. Икона. XII в.
Государственная Третьяковская галерея*

и католическая, и армянская, и только две православные – Казанский собор и Знаменская церковь.

Ко второй части своих заметок я приступаю не без некоторого волнения. К мыслям, здесь выраженным, легко придраться, если изъять их из контекста, если выдергивать их поодиночке, если просто не пожелать понять, что есть на самом деле в русской культуре.

Первая часть отчасти подготовила к тому, что я скажу сейчас. Соседство через пространство типично не только для русских городов и сел, но и для

русской культуры в целом. Мы страна европейской культуры. К этому приучило нас христианство. С ним вместе мы восприняли византийскую культуру; в очень большой степени через Болгарию. Мы создавали свою письменность, собственные литературные жанры, выражали в литературе свои тревоги, но помощь в этом оказывали привезенные к нам болгарские книги, болгарские сочинения, жанры, утвердившиеся в Болгарии, но самое главное – тот литературный язык, который мы получили со всей болгарской культурой. Не вдаваясь сейчас в сложный вопрос о том, как называть тот церковный язык, на котором были написаны привезенные к нам книги и переписываемые произведения, скажем только, что язык этот, переделываясь, возвращаясь к старым формам и снова от них удаляясь, питал русскую литературу целого тысячелетия. Было два языковых центра, вокруг которых вращалась, обогащаясь, русская литература. Первый центр – это тот церковнославянский язык, традиционно связанный с Болгарией, который все русские вплоть до конца десятых годов XX столетия учили сызмальства, с приготовительных классов гимназии, с первых классов городских школ, реальных, коммерческих и церковных училищ, на котором молились, учились понимать мировые сюжеты европейской живописи, поэзии, философской мысли... Второй (а может быть и первый, так как он предшествовал церковнославянскому) – это язык разговорный, традиционно русский, с его поговорками и речениями, к которому постоянно обращались летописи, юридические памятники, древнерусские повести; сатирические произведения и т. д. И близкий разговорному язык народной поэзии: былин, исторических песен, духовных стихов (забытых сейчас вместе со всей их народной мудростью), сказок и т. д., и т. д. Всех жанров народной поэзии не перечислишь, но ясно одно – что это тоже язык организованный, по-своему высокий. Какое счастье быть русским писателем, постоянно черпая в своем творчестве в нужном количестве и качестве то из одного родника, то из другого! В этом отгадка необыкновенного богатства и тонкости языка русской литературы, и особенно поэзии.

Из различных родников создавались и жанры русской литературы и поэзии: свои народные, церковнославянские, польские, западно-европейские. Обогащались взаимно жанры русской, белорусской и украинской литературы. Причем поразительно, что ни один из жанров не исчезал бесследно. Ни один из больших пластов литературы! Древнерусская литература продолжала существовать до XX века. Повествования типа “Повести о Бове”, о разбойнике Барбосе издавались в XX веке Сытиным. Произведения старинной русской литературы переходили в литературу детскую, подобно тому, как и в детских игрушках, продолжали существовать старинные формы паровозов, саней, военных мундиров. Правда, жанры литературы упрощались, деформировались, приспосабливались к литературным потребностям эпохи. Процесс жанрообразования шел в течение всего развития

русской литературы. Эти жанры создавались вновь, но и заимствовались: роман, баллада, поэма и пр. И всюду приобретали оригинальный, свой, русский характер.

Развивавшаяся в многочисленных центрах письменности и в “литературных гнездах”, литература была необычайно богата, соединяя в каждую эпоху разнообразнейший по происхождению материал, свой и чужой, используя свободу выбора, но и свободу обращения с жанрами. Это относится и к тем жанрам, которые пришли к нам из Византии и с Балкан, и к тем, что явились к нам с Запада, как, например, роман, который приобрел у нас свои формы и идейную, своеобразную русскую содержательность.

Еще ярче эта способность русской культуры обогащаться за счет чужих культур и трансформации своей, старой, сказалась в смене стилей. Русская земля создавала собственные художественные стили в древний период своего развития, до эпохи петровских реформ, а после Петра включалась в общее развитие художественной жизни Запада, постоянно трансформируя художественные стили, впервые возникавшие на Западе, а затем откликавшиеся в России. Но как откликавшиеся! Каждый стиль приобретал в России не только своеобразные, но и высшие формы. Барокко, классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм! Разве все эти течения и “великие стили” не приобрели в России свои формы и свою направленность на решение общих проблем? Симеон Полоцкий – белорус, принесший с собой веяния и формы школьного барокко. В Москве он работал отнюдь не на школьные темы, заняв в своем творчестве глубокие и необходимые на русской почве общественные позиции. Радищев и Карамзин – разве это просто сентименталисты? Или они писали вне стилей? А реализм Достоевского? Разве это просто реализм, а не реализм высшего уровня, выходящий уже за пределы обычного литературного реализма? А ведь аналогичные наблюдения мы могли бы сделать в области зодчества. Даже многочисленные итальянские архитекторы, работавшие в Петербурге, не приблизили Петербург к типу итальянских городов. Приглядимся внимательнее – и мы увидим, что Петербург вообще не принадлежит к типично европейским городам. Европейские города у нас – Таллин, Вильнюс, Рига, Львов, но не Петербург. Тем более он и не восточный город. Петербург – русский, обладающий необычайной восприимчивостью к чужому и творческой переработкой этого чужого в главном.

Писать историю русской культуры или хотя бы литературы, архитектуры, философии, живописи, музыки необычайно трудно. Именно потому, что явления культуры самостоятельны, они не всегда четко вливаются в общий процесс. Они свободны и, как свободные, легко воспринимают и творчески перерабатывают чужое – стороннее или просто старое, возвращаются к этому старому или забегают намного вперед, опережая не только свое время в своей стране, но и чужое в других странах, как это было с “Серебряным

веком” в русской литературе или с авангардом в живописи. Об этой черте говорит, в частности, Блок:

*Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

Эту черту восприимчивости и понимания своего и чужого как своего отмечали многие в XIX и XX веках, нет смысла повторять и развивать это наблюдение. Скажу только (вернее, напомним о том, что давно говорилось), что эта последняя черта доводила русских не только до многого хорошего, но и до многого плохого.

“Стыдливость формы” – эта черта, особенно ярко проявившаяся в русской литературе, связана со всем предшествующим, о чем я говорил перед этим. Как только какой-либо стиль, манера, жанр, язык начинают определяться в своих формах, как бы застывают, становятся заметными, они отвергаются, и автор стремится почерпнуть новое в низших формах, ищет простоты и правды. Обращается то к разговорному языку, то к деловым жанрам, пытается сделать литературным нелитературное. Это особенно заметно у Некрасова, Лескова, Толстого, Маяковского. Иногда это сочетается с резким поворотом к старому и даже древнему, как у А. Ремизова. На этом основывалась и постоянная “игра” двух главных полюсов русского языка в XVIII–XX веках – церковнославянского и разговорного, просторечного.

“Стыдливость формы” – постоянный источник обогащения русского литературного языка и русской жанровой системы в литературе. Но не только в жанрах и языке проявилась она, а по существу, в содержании, в идеологии. “Стыдливость формы” – это и страсть разоблачения всякой напыщенной лжи, стремление к неприкрашенной, “голой правде”, ненависть к фразе. Всяческое “опрошение”, стыд своей образованности, интеллигентности, хождение в народ и идеализация крестьянства и общины, идеализация Древней Руси, воспринимаемой славянофилами как нечто простое, крестьянски однородное. Даже кажущееся сейчас смешным стремление писателей одеваться “под крестьянина”, “под странника”, иногда под мелкого торговца, – отражение той же идеологии. И уж в этом-то мы полностью “самобытны”.

Но если говорить об идеологическом своеобразии, то здесь главенствующей чертой, несомненно, должно быть выделено правдоискательство, которое постоянно отделяло русскую мысль от русской государственной деятельности либо даже, ненадолго правда, подчиняло последнюю себе.

Правдоискательство было главным содержанием русской литературы начиная с X века. Да, с десятого, хотя обычно принято начинать русскую

литературу, точнее “русьскую”, ибо она была началом и литературы украинской, и белорусской, с одиннадцатого века. В самом деле, историческая литература, в которой искали “откуда есть пошла”, или “вещи сея начало”, или место русского народа среди народов других стран, или место русской истории в истории мировой – такая историческая литература была тоже формой правдоискательства. Древнейшее из дошедших до нас компилятивных произведений, относящихся ко временам крестителя Руси Владимира I Святославича, “Речь философа”, – именно такого характера. “Речь” рассказывает о мировой истории в средневековом ее понимании, показывает место Руси в мировой истории и в заключение наставляет Владимира принять христианство. Историческая литература с необычайным размахом составлялась и переписывалась на Руси вплоть до XVII века. И характерно, что один из первых летописцев, создатель самой формы летописания, монах Киево-Печерского монастыря Никон вынужден был бежать от княжеского гнева в Тмутаракань. А затем и пошло... Авторы древнерусских сочинений постоянно становились в оппозицию к князьям – будь то автор “Слова о полку Игореве”, или Даниил Заточник, или автор “Повести о разорении Рязани” и т. д. Поучения обращались к князьям чаще, чем к представителям какого-либо другого сословия. Татаро-монгольское нашествие и объединяло людей разных социальных слоев, и еще больше разъединяло их. Князья и монахи следили за литературой или сами брались за перо. Но это не уничтожило пропасти, которая существовала между государством и литературой.

По отношению к государству в России была не только оппозиция интеллектуальная, политическая, но и “оппозиция души”. Вспомним, какие тонкие, нежные лики изображены на некоторых из икон времени Ивана Грозного. Вместе с тем, в пору ослабления государства, в период феодальной раздробленности и междоусобных ратей литература сама стала своеобразным “вторым государством”. Она переняла у государства его объединяющие функции. Широта свойственна не только пространству, населенному русью, но и натуре русского человека, русской культуре. Многообразие форм, многообразие собственного культурного наследия, многообразие “областных” культурных гнезд и книжных центров в значительной мере определяло исключительную свободу в обращении с культурными ценностями разных времен и разных народов. Вот почему своеобразный символ русской культуры – Пушкин, стремившийся приобщить свое творчество ко всем вершинам мировой поэзии: Данте, Гафиз, Гете, Шекспир и т. д., и т. д. Пушкинская энциклопедия, когда она будет составлена, сможет быть источником обширной образованности.

И, по существу, в русской культуре всякое явление предстает в своих наилучших формах, стремится подняться на ступеньку выше, быть наполненным значительным содержанием, обрести свободу от канонов. Таковы

*Богоматерь
Великая Панагия (Оранта).
Фрагмент иконы
из Спасо-Преображенского
монастыря в Ярославле.
Ок. XII – нач. XIII в.
Государственная
Третьяковская галерея*

философская опера Мусоргского, философский роман Достоевского, философская проза Гоголя, философская лирика Тютчева, даже философский “авангардизм” (Малевич, Филонов, Гончарова и многие другие).

Русская культура не перенимала, а творчески распоряжалась мировыми культурными богатствами. Огромная страна всегда владела огромным культурным наследием и распоряжалась им со щедростью свободной и богатой личности. Да, именно личности, ибо русская культура, а вместе с ней и вся Россия являются личностью, индивидуальностью.

Личность, индивидуальность не терпят одиночества и замкнутости в себе. От этого Россия всегда стремилась любовно усвоить наследие прошлого: наследие Греции, балканских стран и среди них в первую очередь Болгарии, культуру Италии во всем ее многообразии, сперва, в XV веке, – зодчество, затем, в XVIII и начале XIX века, – не только зодчество, но и музыку, живопись, литературу.

Такое же стремление усвоить культуру Голландии намечается уже в XVII веке и проявляется с наибольшей силой при Петре. А в XVIII и XIX веках пафос

*Жены-мироносицы.
Фрагмент фрески
Спасо-Преображенского собора
Мирожского монастыря во Пскове. XII в.*

усвоения чужих культур обращается на Францию, Германию, Англию, Испанию... Что может создать это русское усвоение, могло бы быть продемонстрировано хотя бы на такой области, как балет.

И все-таки есть одна черта в русской культуре, которая явственно сказывается во всех ее областях: это значе-

ние эстетического начала. "Аргумент красоты" сыграл первенствующую роль при выборе веры Владимиром Святославичем. Рассказ летописи о том впечатлении, которое произвела на послов Владимира церковная служба в константинопольском храме Софии, общеизвестен. Именно это побуждало русских князей строить великолепные храмы во всех основных городах Руси: Киеве, Новгороде, Полоцке, Владимире, Суздале, Ростове, Пскове и т. д. Эстетические формы культуры не смогло полностью уничтожить даже чужеземное иго. И ни о каком отставании в целом в области зодчества, в живописи, прикладных искусствах, фольклоре, музыке не может быть и речи. В литературе выдвинулось на первый план не личностное, а "хоровое" начало, но вопрос об этом хоровом начале должен решаться на фоне существования такого же хорового начала в музыке и в фольклоре, высота которого в эпосе и лирике бесспорна.

О влиянии христианства на русскую историю, на русский национальный характер, на эстетические представления русского народа писалось много. Нет нужды повторяться. Но об одной особенности религиозного сознания русских не писалось вовсе.

Если сравнить Сергия Радонежского с Франциском Ассизским (а такое сравнение делалось постоянно), то выступает огромная разница в большом и принципиальном. Франциск считал бедность одним из главных достоинств монашества. То же считал и Сергей. Но Франциск проповедовал нищету, бродяжничество монахов, а Сергей запрещал уходить из монастыря и просить милостыню.

Монахи должны были трудиться и трудом своим зарабатывать хлеб. Сергей выполняет свою крестьянскую работу сам. Пафнутий Боровский перед смертью отдает распоряжения по хозяйству. Игумен Филипп Соловецкий технически благоустраивает монастырь, и именно это считается его главным подвигом на Соловках. Иульяния Осоргина спасается даже у себя дома в хозяйственных заботах, приравниваемых к подвигам благочестия. Таких примеров особого отношения к труду у русских святых можно привести множество. Христианский идеал приобретал в России существенную добродетель – трудолюбие, заботу о богатстве всего коллектива, будь то монастырь, княжество, государство в целом или простая помещичья семья со слугами.

Есть еще одна черта русской культуры, которая неразрывно связана с ее особенностью как личности, индивидуальности. В произведениях русской культуры очень велика доля лирического начала, собственного авторского отношения к предмету или объекту творчества. Можно спросить: как это может сочетаться с хорovým началом, о котором только что говорилось? И вот сочетается... Возьмите древнерусский период, первые семь веков русской культуры. Какое количество посланий от одного к другому, писем, проповедей, а в исторических произведениях как часты обращения к читателям, сколько полемики! Правда, редкий автор стремится выразить именно себя, но получается, что выражает...

А в XVIII веке как часто русская классическая литература обращается к письмам, дневникам, запискам, к рассказу от первого лица. Поэзия у всех народов живет само-

*Богородица Владимирская.
Икона. XI – первая пол. XII в.
Государственная Третьяковская галерея*

*Церковь Николая Чудотворца
в с. Панилове (Архангельская обл.).
1600*

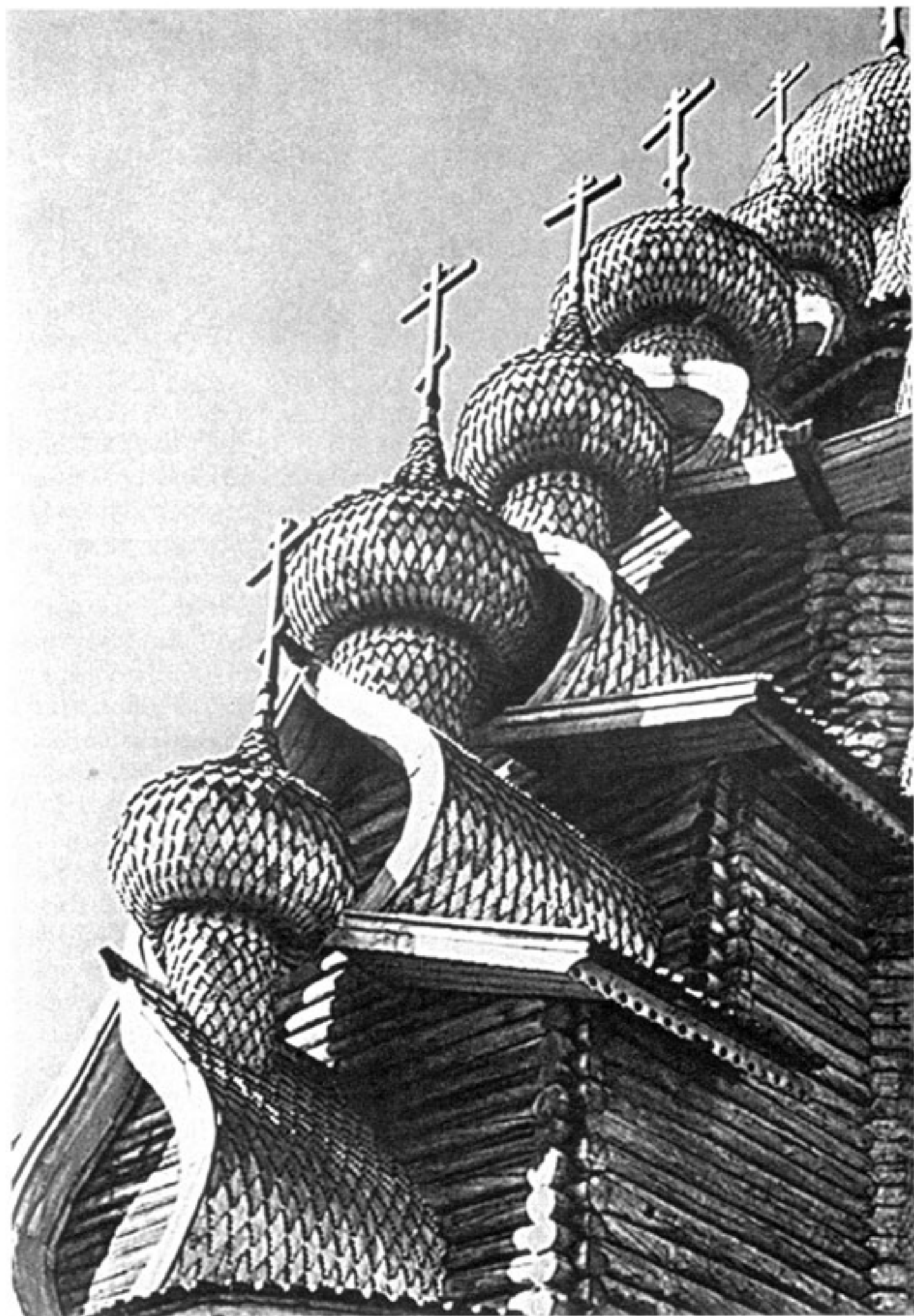
выражением личности, но возьмите прозу: “Путешествие...” Радищева, “Капитанскую дочку” Пушкина, “Героя нашего времени” Лермонтова, “Севастопольские рассказы” Толстого, “Мои университеты” Горького, “Жизнь Арсеньева” Бунина. Даже Достоевский (за исключением, может быть, “Преступления и наказания”) все время ведет повествование от лица хроникера, стороннего наблюдателя, имеет в виду кого-то, от чьего лица течет повествование, кто ведет наблюдение и как

бы даже не разбирается, что происходит, предоставляя читателю радость догадки. Эта домашность, интимность и исповедальность русской литературы – ее выдающаяся черта. Автор всегда осознает читателя умным и сообразительным и этим поднимает его над собой, освобождает от мелочной опеки.

И снова “противоречие” в моей характеристике русского искусства. Литература сохраняет учительный характер. Литература – трибуна, с которой – не гремит, нет, – но все же обращается с моральными вопросами к читателю автор. Моральными и общемировоззренческими.

Может быть, впечатление того и одновременно совсем другого возникает потому, что автор действительно не ощущает себя выше читателя. Аввакум не столько наставляет в своем “Житии”, сколько подбадривает самого себя. Не учит, а объясняет, не проповедует, а плачет. Его “Житие” – это плач по себе, оплакивание своей жизни накануне ее неминуемого конца. Ведь он пишет “Житие”, когда вот-вот должен прийти конец.

Страстность и темпераментность составляют отличительный характер русского искусства: не только литературы, но и живописи во всех ее видах и во все времена, музыки и, смею утверждать, зодчества. Если бы был найден какой-то способ определять в зодчестве дозу лирического начала, то уверен, это лирическое начало было бы особенно велико в народном деревянном зодчестве и в гениальной древнерусской архитектуре, несмотря на все разнообразие ее форм и стилей по отдельным эпохам и по отдельным областям.

Церковь Преображения в Кижях. 1714

Страшный суд. Фрагменты фрески церкви Спаса Преображения на Нередице. 1198

Этому очень помогает свобода от чертежей. Примерные чертежи, предварительные наброски существовали, конечно, но в основном зодчие работали в натуре, работали “с образца”, то есть по примерному желанию заказчика воспроизвести ту или иную существующую церковь, здание, полагаясь на то, что зодчему “мера и глаз укажут”. Особенно много для самовыражения давали строителям луковичные завершения, шатры, свобода от строгой симметрии, выбор места среди естественного пейзажа – среди елей, над озером (с разнообразием отражений на водной поверхности). Как завершение дороги или как “возвышение”, подъем к небу среди обычной крестьянской застройки. Всего не предусмотреть в чертеже, но все мог учесть строитель в процессе своей работы (особенно, скажу, если, работая топором, он пел; я наблюдал в детстве и такое).

Первоначальная летопись сообщает, что греческий философ, рассказывая Владимиру I Святославичу о христианстве, развернул перед ним “запону” с изображением Вселенной, а в ней людей,двигающихся группами, – одни в ад, другие в рай. Была ли эта “наглядная агитация” требованием? Да, русская литература началась с самого своего “учительного”, проповеднического произведения, но в дальнейшем русская литература разворачивала перед своими читателями более сложные композиции, в которых предлагался читателю тот или иной авторский вариант поведения как материал для размышлений. В этот материал входили и различные нравственные проблемы. Проблемы нравственности ставились как художественные задачи, особенно у Достоевского и Лескова.

В русской литературе всегда было мало простой занимательности, как и “среднего уровня”. Горные хребты русской культуры (не только в литературе) состоят из вершин, а не из плоскогорий, на которых обычно гнездятся простая занимательность или загадки для чтения – кроссворды риторики. Риторика вообще нетерпима в русской литературе. А чистое проповедничество всегда требует именно риторики.

Риторика нетерпима и в живописи. Между тем самая характерная живопись для России – портрет. Я не смогу этого доказать здесь. Пусть это останется для читателя моим мнением. Но русский портрет не перестает меня восхищать всякий раз, когда я обращаюсь к русской живописи, даже древнерусской. Ибо в древнерусской живописи ее портретная выразительность – в нравственной поучительности образа. Стоя перед фреской или иконой, испытываешь как бы давление противостоящей тебе личности – почти как перед живым собеседником.

Русскому народу приписывается как одна из присущих ему черт беспрекословная покорность государству. Доля правды в этом есть, ибо в России не было устоявшихся традиционных форм для выражения народного мнения. Вече, земские соборы, сельские сходы?.. Этого было явно недостаточно. Поэтому независимость, любовь к свободе выражалась по преимуществу в сопротивлениях, принимавших массовый и упорный характер. Переходы из одного княжества в другое крестьян и отъезды князей и бояр. Уход за пределы досягаемости властей в казачество навстречу любым опасностям. Бунты – Медный, Разинский, Пугачевский и многие, многие другие! Боролись не только за свои права, но и за чужие.

Одно из самых удивительных явлений в мировой истории – восстание декабристов. И оно типично русское. Весьма состоятельные люди, люди высокого общественного положения, пожертвовали всеми своими словесными и имущественными привилегиями ради общественного блага. Выступили не за свои права, как это обычно бывало во всех выступлениях, а за права тех, чей труд сами перед тем присваивали. В подвиге декабристов есть много народного.

Русь еще в своем восточнославянском единстве, до татаро-монгольского ига, когда она не выделила из себя три основных восточнославянских народа – украинцев, великорусов и бело-

*Апостол Павел.
Фрагмент фрески Дмитриевского собора
во Владимире. XII в.*

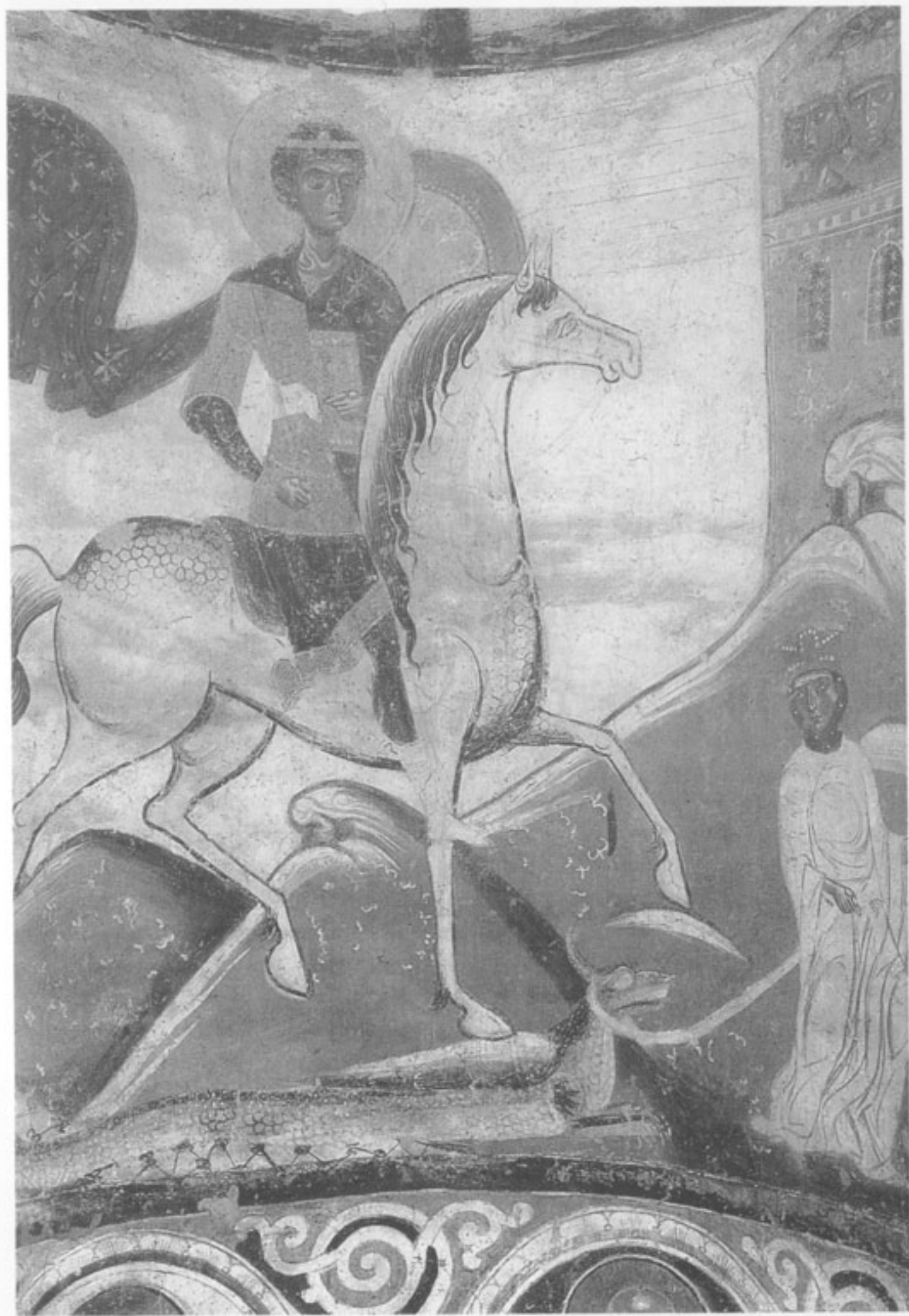
*Святые Борис и Глеб
с житием. Икона из церкви
св. Бориса и Глеба в Запрудях
в Коломне. XIV в.
Государственная
Третьяковская галерея*

русов, – знала уже мужество непротивления. Святые Борис и Глеб без сопротивления принимают смерть от своего брата Святополка Окаянного во имя государственных интересов. Черниговский князь Михаил и его боярин Федор добровольно едут в Орду и там принимают смерть за отказ выполнить языческий обряд.

Крестьяне уходят от крепостного права на край света в поисках счастливого Беловодского царства. Староверы предпочитают сжигать себя, чем поддаться искушению изменить вере. И это непротивление злу? Пожалуй, такое сопротивление нечасто знает история! Царственное пренебрежение материальными благами, в уродливых своих формах переходящее в мотовство.

И характер народа не един. Мы замечаем, как свои отличия в русском характере формировались и формируются у поморов, другие в Сибири, третьи по Волге – в средней и нижней ее части. Россию нельзя оторвать от населяющих ее народов, составляющих вместе с русскими ее национальное тело. Россия по богатству своих культурных типов, по сложности вплетения в них различных черт, по энергии своих разных проявлений, наконец, по интенсивности своих отношений с другими национальностями – едва ли не единственная в своем роде страна.

Мы писали выше, что русская культура представляла собой в средние века (да и позднее) подвижное соединение различных центров культуры. В этих центрах были образования разновременные и разнохарактерные... Центры были разъединены между собой территориально и социально.

Чудо Георгия о змие. Фреска церкви св. Георгия в Старой Ладозе. XII в.

Церковь св. Георгия в Старой Ладоге

Это вело к тому, что в русской культуре могли сосуществовать очень древние слои и новые, легко образующиеся.

Для русского исторического развития характерны одновременно консерватизм и быстрые смены общественных настроений, взглядов. Кажется, что даже самые смены поколений совершаются в России через меньшее число лет, чем на Западе. Это происходит не просто из-за некоторой неупорядоченности русской жизни, но и потому еще, что в русской жизни непременно что-то остается от старого и даже от неправдоподобно старого, а с другой стороны, есть страстность, развивающая это старое и взыскующая новое. Кто бы мог подумать, что у нас продолжается традиционное древнерусское иконописание, составление житий святых (и неплохих), переписка рукописей древнерусскими приемами? Структура русской культуры не была монолитной, при которой она развивалась бы как единое целое – относительно равномерно и неуклонно.

Культурный уклад России менялся, с одной стороны, кардинально, а с другой – оставлял целостные системы старого. Так было и в эпоху Петра. С одной стороны, решительные перемены, а с другой стороны, неизменившийся уклад жизни крестьянства и решительно с “идеологической основой” сохранявшийся старый уклад жизни старообрядчества. Русская культура благодаря совмещению в ней различных наследий полна внутренней свободы. К несчастью, свобода, которой она владеет, состоит не только в свободе выбора учителей и учебного материала, не только в свободе творить, но и в свободе отречься от чужого и своего, крушить, уничто-

жать, продавать, сносить, отправлять в неизвестность здания, города, села, картины, памятники, фольклор, а затем и самих авторов – интеллигенцию в целом.

Итак, нет сомнений, что одно из богатств русской культуры и ее широких творческих возможностей – в свободном и широком выборе учителей, путей наследия, которое отнюдь не узко одно. И не случайно столько внимания уделяется проблеме внутренней свободы в русской философии: в философии Бердяева, Франка, Карсавина, а до них – у Достоевского. Сознание предлагаемого выбора было остро у Тютчева и у многих других. Необходимость свободы почти болезненно ощущалась в философской лирике Блока и Владимира Соловьева. Обращаясь к России, Вл. Соловьев говорил:

*Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?*

Чтобы самим владеть путями нашей культуры, надо, прежде всего, изучить особенности истории и культуры России. Осмыслить русскую историю, выявить существенные черты России чрезвычайно важно для современности, ибо многое из того, что произошло и происходит в наши дни, в известной мере определяется и будет еще определяться тем, что представляет собой Россия. И интернационализм, и характер продвижения к будущему, и отношение к прошлому – все это должно корректироваться тем, что представляет собой Россия. Перед нами стоит задача восстановить полноту русской культуры. Прошлая Россия в наше время не может быть сброшена со счетов даже тех, кто искренне стремится к ее будущему утверждению в веках.

О чем же свидетельствует эта широта и поляризованность русского человека? О чем свидетельствуют “уроки России”? Прежде всего – о громадном разнообразии возможностей, скрытых в русском характере, об открытости выбора, о неожиданности появления нового, о возможности бунта против бунта, организованности против неорганизованности, о внезапных проявлениях хорошего против самого дурного, о внутренней свободе русского человека, в котором сквозь завесу дурного может неожиданно вспыхнуть самое лучшее, чистое и совестьливое. Исторический путь России свидетельствует о громадных запасах не только материальных благ, но и духовных ценностей.

Россия не абстрактное понятие. Развивая ее культуру, надо знать, что она представляла собой в прошлом и чем является сейчас. Как это ни сложно, Россию необходимо изучать...